

[Атман]

— Шэнь Сюй!

Я резко выпрямился, тяжело дыша. Я видел повсюду красную обивку... мы снова оказались в нашем гостиничном номере.

— Как это...

Минуту назад я был в Национальном музее в Нью-Дели и оцепенел, глядя на скульптуру божественной кошки с пустыми глазницами. Голос диктора доносился на заднем плане, когда они объясняли, что поза кошки олицетворяет мистицизм: средневековые мастера создавали эти скульптуры с жесткими суставами, которые пытались вырваться на свободу, чтобы умолять об освобождении своих душ.

Мое сердце бешено колотилось, так быстро, что чуть не выскакивало из груди. Был острое чувство, что я снова наткнулся на эти пустые глазницы. В конце концов, матери моего парня не удалось открыть замок в спальне отверткой. Она пробила ногой дыру в деревянной двери и протянула руку, чтобы открыть замок, не сводя с нас пристального взгляда. Удивительно, но, достигнув своей цели, войдя в комнату, она перестала интересоваться тем, что мы делали внутри. Она повернулась и ушла, волоча за собой ноги, как деревянная кукла, которую дергают за ниточки.

Она страдала, думал я тогда, и в то же время была мастером умножать свою боль и переносить ее на кого-то другого. В припадке она нырнула головой вперед в клетку, сотканную из ее собственной одержимости, из которой она больше не могла выбраться.

Мой парень закрыл проем в двери несколькими книгами, прежде чем повернуться и виновато посмотреть на меня.

— Не извиняйся.

Я знал, что он хотел сказать.

— Я стал хладнокровным в твоих глазах? — спросил он. — Я видел, как моя мама ударилась головой о дверь.

Я взглянул на несколько лучиков света, которые проникали в комнату сквозь щели в двери, и сказала «нет».

— Значит, ты все еще любишь меня?

— Почему нет? Вы с мамой разные.

— Ты не боишься, что... Я стану таким же, как она?

— Я знаю, что ты этого не сделаешь.

— Ты меня бросишь?

— Нет.

— Правда?

Это был первый и единственный раз, когда он показал мне свое потрепанное тело под маской совершенства и безупречности. В моих воспоминаниях он уменьшался дюйм за дюймом, его кожа потемнела, а глаза округлились, и теперь он гнался за мной по Старому Дели, слепая босыми ногами по дорогам, покрытым грязной жижей и следами от шин, и упорно выпрашивал у меня пять рупий, которые я ему давал, только чтобы он сузил свои глаза. Он посмотрел на меня, прежде чем поднять монеты и повертеть их на солнце, чтобы убедиться, что они настоящие.

— Правда. — терпеливо повторял я ему это раз за разом, и я всегда говорил ему это, независимо от того, насколько неподходящими могли быть время и место.

Сначала он жаловался мне и хотел, чтобы я его утешил, но постепенно это прекратилось. Хотя по его глазам, наполненным тихой сдержанностью, я все равно мог прочесть, что он подавлен еще больше, чем раньше.

— Ты снова читаешь «Тару», Сяоцинью?

Мое зрение фокусировалось, и я увидел, что Шэнь Сюй обеспокоенно наблюдал за мной, вытирая рефлексорные слезы с моего лица.

Я моргнул и вытер слезы, которые невольно пролил. Это не было Тарой. Только бодхисаттвы проливают звезды, когда плачут, звезды, которые являются слезами доброжелательности, великодушного сострадания. Я всего лишь был неотесанным плебем, который наслаждался богатством и получал огромное удовольствие от желаний, который легко увлекается любовью и легко терпит от нее поражение. Нет, то, что стекало по моему лицу было всего лишь жидкой смесью H₂O и неорганических веществ, таких как NaCl.

— Ты когда-нибудь испытывал отчаяние, Шэнь Сюй? — спросил я.

Он замолк на минуту, прежде чем сказать «да».

— На что это похоже?

— Как будто... в моем сердце образовалась воронка, такая глубокая, что в ней нет ничего, кроме тьмы.

Я вздохнул. Это было правдой. Хотя я делал все, что в моих силах, чтобы отдать ему все, что у меня есть, я все еще не мог заполнить эту зияющую пустоту в его сердце, и он с каждым днем становился все тише и тише. Я массировал виски и спросил Шэнь Сюя, какой сегодня день. Он назвал дату, и мои руки замерли. Время здесь было сжато... посещение Национального музея было уже вчера.

— Как мы сюда вернулись?

— На машине. — лаконично ответил Шэнь Сюй. — Ты что, не помнишь?

Я покачал головой. Я ничего не помнил о поездке обратно.

— Что произошло после того, как мы посмотрели на меньшего Шиву вчера?

Шэнь Сюй протянул мне свой фотоаппарат. У меня было такое чувство, что моя голова вот-вот лопнет, поэтому я лег на бок и смотрел на фотографии, на миниатюрные картины, на крошечные скульптуры обнаженных мужчин и женщин, на себя и на одну из скульптур, Шиву,

Короля танца, рельефную скульптуру, выполненную на глыбе природного вулканического камня... все, кроме жесткой и жуткой четвероногой твари. Я нажимал «далее» снова и снова, и вот мы вышли из музея и направились к рукаву реки Ганг.

Пожилой мужчина с коричневой кожей сидел на корточках у реки, наполняя водой медный кувшин. Позади него возвышался золотой храм Шивы, его чрезмерно вычурные шпили устремлялись в облака. Какое-то время я замороженно смотрел на его спину, сокрушаясь о том, что потерял это воспоминание. Я случайно нажал на какую-то кнопку, и на экране появилось диалоговое окно:

[Вы хотите восстановить это удаленное фото?]

[Да][Нет]

Тук-тук. Шэнь Сюй надавил на плечевой ремень камеры, глядя в эти слова.

— Просто нажми «Нет».

Это побудило меня нажать «Да».

— Эта фотография довольно хороша. Зачем ее удалять? — я внимательно рассматривал ее. — Мы заходили в золотой храм? Что это за маленькие таблички висят на стенах? Это молитвенное дерево? Что я написал?

— Ты пожелал мне здоровья и безопасности, что-то в этом роде. — ответил Шэнь Сюй, не задумываясь.

Я чувствовал некоторое сомнение. Я сказал ему, что нам нужно еще раз посетить храм и что жаль, что я ничего не помню. Шэнь Сюй сделал недовольное лицо, но я продолжал настаивать на том, что хочу посетить это место еще раз.

Пораженный, Шэнь Сюй замолк. Он вел меня к золотому храму на фотографии.

Когда я вошел в храм, я чуть не наткнулся на пожилого индийца, держащего медный кувшин, и вода растекалась огромной лужей. Мы поклонились друг другу в знак извинения, повторяя нандри бесчисленное количество раз. Его спина была согнута, когда он протянул руку в приглашении, и я направился к молитвенному дереву, наступая на лужицу воды.

Баньяновое дерево вот-вот согнулся бы под тяжестью множества деревянных табличек, свисающих с него. Я просматривал их, вытягивая шею, пока мне не удалось найти свое имя и написанные от руки слова: «Пусть все, чего я хочу, сбудется в моей жизни...» было на обычной табличке, затерявшейся среди бесчисленных других, написанных на разных языках. Рядом с этим стояла подпись Шэнь Сюя. Он просто подписал свое имя в правом нижнем углу на табличке с вырезанным на ней цветком для тех, кто хочет пожелать счастливого брака.

Шэнь Сюй слегка кашлял. Воротник его рубашки шелестел на ветру. Я обернулся и улыбнулся ему, но тут же замер на месте, ошеломленный.

В дальнем конце я увидел еще одну табличку с именем Шэнь Сюя. Она была непритязательной, но я сразу заметил ее. Я направился туда, чтобы увидеть еще одну табличку, написанную моим почерком, рядом с ней.

Одна, затем другая. Я отступал назад, кружась в лесу красных ниток и деревянных табличек,

как безголовая муха. Еще одна. Легкое прикосновение, и планшет повернулся вокруг своей оси.

— Я и не знал, что мы загадали так много желаний... — сказал я. — Это повергло меня в шок.

[Вечный]

[Непрерывный]

[Ценить все, что происходит со временем]

...

[Вернись]

Вернись? Что это значит? Что я потерял? Кто вернется?

В этом не было никакого смысла. Я не помнил, почему я загадал это желание. Некоторые таблетки, очевидно, совсем истрепались... Вероятно, они из старой партии. Ошеломленный, я осматривался вокруг, в лучах света, замораживающих воздух вокруг меня, пока моя спина не наткнулась на грудь Шэнь Сюя. Он с улыбкой поднял две новенькие таблички.

— Может, нам стоит загадать еще одно желание?

— Шиву посчитает нас раздражающими. — сказал я, взял резную табличку и написал на одном дыхании. [Я желаю, чтобы человек, которого я люблю, был счастлив и здоров.] — У тебя нет никаких желаний? — спросил я Шэнь Сюя, который все это время стоял рядом.

Шэнь Сюй многозначительно посмотрел на меня.

— Нет. Я напишу твое имя на своем... Шива благословит того, чье имя будет написано.

— Если ты напишешь мое имя, я напишу твое. — сказал я. Я побежал купить еще одну табличку.

И вот «Шан Цзинь» и «Шэнь Сюй» жили плечом к плечу под самым большим навесом из листьев, защищенные от ветра и дождя.

Повесив таблички, мы вышли из золотого храма. Мужчина снова наполнил кувшин водой, а рядом с ним в реку прыгал молодой человек, одетый только в нижнее белье. Когда его голова высунулся из мутной желтой поверхности реки Ганг, он вытер воду с лица и издал низкое восторженное рычание.

Они использовали воду реки Ганг для всего. Здесь, в Индии, святость чего-либо не зависело от того, прозрачная она или мутная. Факт столь же удивительный, как то, что они могут использовать один и тот же термин для обозначения места купания или крематория. Почему-то я с восхищением смотрел на молодого человека, который мылся в реке Ганг.

— Когда ты погружаешься в реку Ганг, ты становишься чистым? Или грязным? — размышлял я.

— Самое важное - это то, во что ты веришь. — небрежно ответил Шэнь Сюй. Он не сформулировал это как вопрос, но я все равно ответил. — Я стану чистым. А ты хочешь?

Я плотно закрыл рот, глядя на речную воду, по которой в любой момент могли подняться волны ила, песка и прочих отбросов, и сказал, как последний трус, каким я и являлся:

— А можно я займусь этим где-нибудь в другом месте?

Шэнь Сюй присел на корточки у реки и спросил старика, куда лучше всего пойти, если мы хотим искупаться в Ганге.

— Отправляйтесь в Калькутту! Отправляйтесь туда! — пожилой мужчина громко отвечал, поднимаясь и прижимая к себе медный кувшин. Солнечный луч отражался от вогнутой металлической поверхности, проникая в мои глаза до тех пор, пока не зашипало в уголках.

<http://bllate.org/book/14890/1347419>